

Власова А.Е.

К.Д. Ушинский о природе и воспитательной силе привычек

В разделе «Привычки» I тома книги «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» К.Д. Ушинский пишет, что привычки имеют рефлективное основание. Он разделяет «полные рефлексы», на которые человек не может влиять и «полурефлексы», на которые воля человека может иметь влияние. Но как полные рефлексы, так и полурефлексы установлены в человеке самим устройством организма. Привычкою же Ушинский называет в противоположность этим природным рефлексам, такие рефлексы, в установлении которых «принимал деятельное участие сам человек: таковы, например, многие мимические движения, многие рефлексы голосового органа, рефлексы пальцев при игре на фортепиано, при скорописи и т. д. Мы, например, сначала произвольно приучали себя к какой-нибудь гримасе, а потом она появляется на нашем лице не только без участия нашей воли, но даже часто к великой нашей досаде, и появляется прежде, чем мы заметим, что она появилась – следовательно, появляется без участия нашего сознания» [1, с. 67].

Привычкою может быть установлен не только рефлекс, но и связь рефлексов. «Связь рефлексов точно так же, как и самый рефлекс, может быть установлена привычкою» [1, с.69]. Например, в гимнастических упражнениях, при чтении и письме человек устанавливает такую связь рефлексов, какой ему не было дано от природы. Сначала он выполняет эту связь сознательно, и она стоит ему большого напряжения воли; но потом она делается чистым механизмом, совершающимся бессознательно, иногда даже против его воли. Точно так же и наоборот, человек может разрушить привычкой систему рефлексов, установленных природой или прежней привычкой. Сначала это расстройство установившихся рефлексов стоит ему большого труда, но потом выполняется все легче и легче.

Привычки, которые были установлены в человеке сознательными и произвольными действиями, потом совершаются не только помимо его воли, но даже против воли. Ушинский указывает на, так называемые присловья, которые не врожденны человеку, но потом выскакивают сами собой, даже к великой досаде того, кто их произносит.

Сознание может соединяться с привычкою, но сознание только следует за привычным действием, а не вызывает его, «связав два действия или два слова по привычке, мы только уже потом сознаем, что связали их, и часто сами удивляемся, как мы это сделали, и если эта привычная связь кажется нам ложною, то мы сознательно и насильно разрываем ее» [1, с. 71].

Ушинский пишет о том, что идеи, возбуждаемые в душе, стремятся воплотиться в движения мускулов. Хотя причина этого стремления скрыта в таинственной связи души и тела, на факт то, что идеи горя, радости, гнева произвольно отражаются в движениях личных мускулов, голосового органа и т. д. Следовательно, первый толчок дает таинственное воплощение идей человека, а потом уже идет произвольная, рефлексивная ассоциация движений, все равно, будет ли эта ассоциация установлена природой или привычкой.

Константин Дмитриевич вводит такое понятие, как подражательное воплощение. Если человек видит какое-либо сильное мимическое движение в лице другого человека, то идея этого движения обрисовывается в его душе. Из-за этого она стремится воплотиться в его собственных мимических движениях, он может задержать силовым усилием этот рефлекс, удержаться от воплощения, но может и не задержать, – а чем чаще будет выполняться это подражательное воплощение, тем легче, независимо от сознания и воли, оно будет совершаться. Акт невольного и бессознательного подражания играет очень важную роль в жизни и воспитании детей, он объясняется невольным стремлением живо представляемой идеи воплотиться в движения тела и устанавливается ассоциация этих движений в привычку.

Ушинский понимает природу привычных действий как действий рефлексивных «как раз настолько, насколько оно привычно, и если в каком-нибудь психофизическом акте мы замечаем привычку, то значит, что в этом акте принимает большее или меньшее участие нервная система со своею способностью усваивать новые рефлексы» [1, с.73].

Часто под словом «привычка» понимают развитие способностей телесных или душевных, приобретаемых упражнением и повторением.

Ушинский в первой главе книги «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» рассматривает только нервные привычки, подразумевая под этим названием «то замечательное явление нашей природы, что многие действия, совершаемые нами вначале сознательно и произвольно, от частого их повторения совершаются потом без участия нашего сознания и произвола и, следовательно, из ряда действий произвольных и сознательных переходят в разряд действий рефлексивных, или рефлексов, совершаемых нами помимо нашей воли и нашего сознания» [1, с.75]. Далее он пишет, что в этом открывается обширная возможность при помощи привычки вносить в нервный организм человека существенные изменения, которые дают ему те способности, которых он не имел от природы. На этой способности нервов к усвоению новых ассоциаций рефлексов и расстройству старых основываются не только все те привычки и навыки, которые преднамеренно сообщаются ребенку воспитанием, но также и те, которые сообщаются ему без всякого намерения, самой жизнью, и с которыми воспитателю нередко приходится бороться.

Еще одно важное значение привычки заключается в том, что нерв, получивший привычку определённой деятельности не только легче выполняет эту деятельность, но получая к ней физическую склонность, сообщает эту склонность душе. Душа чувствует нервный организм с его особенностями и теми физическими склонностями, которые в нем установлены от частого повторения той или иной деятельности. Поэтому сначала человеку необходимо напрягать сознание и волю, чтобы дать какое-

то направление определённой деятельности его нервов, а потом он вынужден употреблять такое же усилие сознания и воли, чтобы противодействовать наклонности нервов, которую человек сам в них укоренил. То есть «сначала мы ведем наши нервы куда хотим, а потом они ведут нас, куда, быть может, мы совсем не хотим идти» [1, с.76].

Привычку, не переходящую в наклонность, Ушинский называет навыком, таковы все привычки в искусствах и ремеслах, и сохраняет название привычки для привычек-наклонностей.

Образование наклонности из привычки объясняется свойством нашей души. Душа человека требует постоянной деятельности, но избегает препятствий, то есть требует легкой деятельности. Легкостью деятельности человеческой души, к которой привыкли нервы, устанавливается наклонность к этой деятельности. Человек всегда может противостоять своей наклонности волевым усилием и сознанием, но тяжело и неприятно целые годы, каждый час и каждую минуту держать настороже волю против привычки, которая постоянно влияет на человека и следовать которой легко и приятно, а противостоять очень трудно.

Ушинский приводит в пример, что «человеку, привыкшему к курению, вовсе не трудно не курить: это и не потребность, и не такое большое удовольствие, от которого было бы тяжело отказаться; но тяжело и неприятно целые годы, каждый час и почти каждую минуту держать настороже нашу волю против привычки, которая ежеминутно подталкивает нас к сигаре» [1, с.77].

Привычки играют огромную воспитательную роль. «Чем моложе организм, тем быстрее укореняются в нем привычки. Дитя усваивает привычку гораздо быстрее и вернее, чем старик» [1, с. 77].

Нервы человека, пишет Ушинский, так сказать жаждут привычки и навыка. Первые привычки и навыки устанавливаются, может быть, с первого раза. Чем больше накапливается у человека привычек и навыков, тем труднее вкореняются новые, встречая сопротивление прежних [1, с. 77]. Ребенок за

несколько месяцев выучивается говорить на иностранном языке так, как не сможет выучиться взрослый человек за несколько лет. Чем старше привычка, тем она крепче, т. к. она укореняется именно постоянным повторением в течение долгого времени. Например, если ребенок, быстро выучивается иностранному языку, то он также быстро и забывает его, если перестает в нем упражняться. «Словом, чем моложе человек, тем скорее в нем укореняется привычка и тем скорее искореняется; и чем старше сами привычки, тем труднее их искоренить» [1, с.78].

Ушинский отмечает, что навыки и привычки начинают формироваться у человека еще в младенчестве. «Немедленно же по рождении начинает дитя делать различные опыты и приноравливания, которые потом обращаются у него в бессознательные навыки и привычки» [1, с.78]. Младенец из множества наблюдений, приспособлений, аналогий и умозаключений делает сложные выводы, которые превращаются потом в бессознательно выполняемый навык, которым человек пользуется впоследствии, как прирожденным даром. Эти навыки, утверждает Ушинский, делаются младенцем сознательно, точно так же, как и множество других навыков, которые человек делает позже, уже в зрелом возрасте, но акт выработки этих навыков забывается, как забывается все, что относится к бессловесному периоду его жизни. К такому объяснению приводят многие убедительные причины: во-первых, опыты и умозаключения младенца – это акты сознания и без него немислимы; во-вторых, наблюдения за младенцем показывают, что эти навыки приобретаются видимыми для наблюдателя попытками ребенка, сначала весьма неудачными, а потом все более и более верными; в-третьих, приобретя какой-либо навык и в зрелом возрасте, человек потом с трудом может вспомнить как и когда приобрел этот навык.. Поэтому не стоит удивляться, что человек абсолютно забывает процесс приобретения навыков и привычек, которые были усвоены им ещё во младенческом возрасте. «Если привычка сделана нами, хотя и сознательно, но в тот период нашей жизни,

когда мы не обладали еще даром слова, то, без сомнения, мы не можем припомнить, как мы сделали ее, хотя она в нас остается» [1, с.81].

Ребенок в первый год своей жизни живет не одной физической жизнью, но «... в душе его и в его нервной системе готовятся основные элементы всей будущей психической деятельности: вырабатываются те силы и те силы и те основные приемы, с которыми он впоследствии будет относиться и к природе и к людям. Усвоив такой взгляд на младенца, родители и воспитатели подумают не об одном его физическом здоровье, но и об его духовном развитии» [1, с. 82].

Когда ребенок начинает разговаривать, то вместе со словом, закрепляющим образы и понятия, быстро начинает развиваться память, которая со временем свяжет всю жизнь человека в одно целое, тогда от бессловесного периода останутся одни результаты в форме бессознательных привычек и склонностей, оказывающих огромное влияние на способности, на характер и на всю жизнь человека.

Ушинский придает особое значение возможности наследственной передачи привычки. Наследственно передается не самая привычка, пишет великий педагог, а нервные задатки привычки. Эти нервные задатки в течение жизни человека, смотря по ее обстоятельствам, могут развиваться в привычку или остаться неразвитыми и заглухнуть с течением времени.

«Образ жизни человека, его воспитание, случайное направление его обычных занятий имеют решительное влияние на выяснение в нем тех или других наследственных задатков» [1, с. 91– 92].

Ушинский пишет о том, что существует большая связь между привычками нервного организма и памятью. Если нервный организм человека усваивает какую-нибудь сложную привычку, где есть несколько последовательных, следующих одно за другим, движений, то организм человека помнит без участия сознания, в каком порядке одно действие должно следовать за другим. С другой стороны, есть много явлений, когда человек справляется у нервного организма о том, что позабыл. «Так,

например, танцмейстер, желая рассказать своему ученику, в каком порядке должны следовать одно за другим движения ног, сбивается в своем рассказе и забывает порядок движения, то он начинает танцевать и ноги его сами припоминают ему порядок движений. Точно так же ремесленник, желая объяснить последовательность своих действий, часто прибегает за напоминанием к своим рукам, и оказывается, что руки его помнят то, что голова позабыла или даже никогда не сознавала ясно» [1, с.103].

Точно также, как руки и ноги, действуют голосовой, слуховой, зрительный органы человека.

Таким образом, нервная система человека не только получает привычки движений того или другого органа, но получает привычки к комбинациям движений различных органов.

Чем больше органов чувств человека принимает участие в восприятии какого-либо впечатления, тем прочнее это впечатление ложится на механическую, нервную память человека, лучше сохраняется ею и легче потом вспоминается. Это явление – связь привычки с памятью – имеет, как пишет Ушинский, огромное влияние на воспитание и обучение детей. «Педагог, желающий что-нибудь прочно запечатлеть в детской памяти, должен позаботиться о том, чтобы как можно больше органов чувств – глаз, ухо, голос, чувство мускульных движений и даже, если возможно, обоняние и вкус, приняли участие в акте запоминания» [1, с.113].

Список литературы:

1. Ушинский К.Д. Избранные труды. В 4 кн. Кн. 3: Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии / сост., статья, примеч. и коммент. Э.Д.Днепров. – М.: Дрофа, 2005. – 557 с.